

Будем ждать, что в следующей
третьей, книжке молодого поэта э
датки эти будут реализованы.

„Исторический роман есть как бы точка, в которой история, как наука, сливается с искусством“

В. Беломыслицкий

ГРУЗИЯ в прошлом веке

О НОВОМ РОМАНЕ ДЖАВАХИШВИЛИ

Новый роман М. Джавахишвили «Арсен из Марабды», недавно появившийся в русском переводе, представляет значительный интерес. Талантливый грузинский писатель попытка сделать большой исторический роман-эпопею, изображающий в широком плане историю Грузии в культурно-бытовую жизнь Грузии первых десятилетий прошлого века. И надо сказать, что автор успешно справился с поставленной весьма сложной задачей.

Он рисовал ряд живописных, отдельных моментов классовой борьбы в феодальной Грузии, только что попавшей под державное ярмо Российской империи. Автор в интересном и увлекательном изложении описывает тяжелое положение существование грузинской деревни, нещадно эксплуатируемой со стороны помещиков и титулованных помещиков, жуткие расправы и экзекуции, осуществляемые при ближайшем содействии русских военных властей, продажи крепостных в неволю, высылки в Сибирь и т. п.

Не менее красочно изображена автором и феодальная верхушка с ее показной пышностью, чванством и заносчивыми претензиями, детскими, жидкими, сугубо эгоистическими интересами. Джавахишвили сосредоточивает свое внимание на отдельных эпизодах борьбы крепостных с помещиками, на тех крестьянских выступлениях, которые связаны с именем Арсена из Марабды.

Джавахишвили весьма удачно вывел главного героя своего произведения. Личность и дело жизни Арсена из Марабды, борца за народные права, вождя угнетенных, своего рода грузинского Робин Гуда, пользуется в Грузии огромной популярностью. О нем существует масса различных родом повествований, сказаний и легенд. Сам Арсен — историческая личность, он действительно жил, действовал и расчистил своим мечом и саблей путь для народной Грузии.

Народная легенда рисует Арсена и его окружение романтическим ореолом привлекательный образ стойкого, морально безупречного, великодушного и беззаветного смелого крестьянского вождя. Джавахишвили, умело используя как имеющиеся исторические данные, так и богатую сокровищницу народного творчества, рисовал чрезвычайно живую, сочную и вполне конкретную фигуру Арсена. Правда, можно сказать, что автор излишне выдвинул своего героя на авансцену, что он иногда его слишком героизирует. Но в общем показ Арсена мотивирован и убедителен.

Арсен является выразителем чаяний и надежд грузинских крестьян, стремления сбросить с себя чуждое иго. При этом Арсен не является сторонником отдельных партизанских выступлений. Он мечтает о массовом, более организованном движении против феодально-крепостнических. Когда речь о призыве на военную службу побуждает крестьян двинуться к Тифлису, то Арсен, выступая против соглашательских речей дворян, говорит: «Во всем виноваты князья и наши бары... Все зло от них. Не верьте им. Всех их нужно гнать. Тогда никто и не посмеет заикнуться о солдатстве» (стр. 357).

Арсен далеко от националистических иллюзий. Он не принимает ни к какой ориентации, русской, турецкой или персидской. Нет, он понимает, что вся суть основных

противоречий — в борьбе эксплуатированных с эксплуататорами. Однако пользовавшийся огромным влиянием Арсен все же не мог реализовать все свои планы; даже его ближайшие соратники вопреки воле вождя срыгаются на отдельные случайные выступления. Сам Арсен является как бы предтечей грядущих революционных бурь.

Наряду с Арсеном Джавахишвили вывел целый ряд его соратников. Так, особенно запоминаются образы отца Арсена — одноглазого Хачавадзе, неукротимого бунтаря Лашавадзе, участника знаменитого восстания в Имеретии, отставного русского солдата Карпича, все время находящегося в кругу воспоминаний о пугачевщине, и др. Хорошо зарисованы и женщины — Мария, Пикрия, Маргана. В самой деревне «лесных братьев», под командованием Арсена мы видим не только грузин, но и русского и татарина. Их всех объединяет одна — ненависть к угнетателям.

Уделив видное место «низам», автор не забывает и «экзергов». Джавахишвили дает полную галерею представителей тогдашней грузинской и феодальной знати. Он рисует их в домашнем помещичьем быту, и на войне, и в условиях их тифлисской жизни. Чрезвычайно ярко зарисован салон Чачавадзе, где собирались сливки тогдашнего грузинского высшего света. Здесь автор не только излагает историю, но и вводит в нее элементы юмора и сатиры, которые не мешают серьезности и глубине произведения.

Джавахишвили весьма удачно вывел главного героя своего произведения. Личность и дело жизни Арсена из Марабды, борца за народные права, вождя угнетенных, своего рода грузинского Робин Гуда, пользуется в Грузии огромной популярностью. О нем существует масса различных родом повествований, сказаний и легенд. Сам Арсен — историческая личность, он действительно жил, действовал и расчистил своим мечом и саблей путь для народной Грузии.

Народная легенда рисует Арсена и его окружение романтическим ореолом привлекательный образ стойкого, морально безупречного, великодушного и беззаветного смелого крестьянского вождя. Джавахишвили, умело используя как имеющиеся исторические данные, так и богатую сокровищницу народного творчества, рисовал чрезвычайно живую, сочную и вполне конкретную фигуру Арсена. Правда, можно сказать, что автор излишне выдвинул своего героя на авансцену, что он иногда его слишком героизирует. Но в общем показ Арсена мотивирован и убедителен.

Арсен является выразителем чаяний и надежд грузинских крестьян, стремления сбросить с себя чуждое иго. При этом Арсен не является сторонником отдельных партизанских выступлений. Он мечтает о массовом, более организованном движении против феодально-крепостнических. Когда речь о призыве на военную службу побуждает крестьян двинуться к Тифлису, то Арсен, выступая против соглашательских речей дворян, говорит: «Во всем виноваты князья и наши бары... Все зло от них. Не верьте им. Всех их нужно гнать. Тогда никто и не посмеет заикнуться о солдатстве» (стр. 357).

Арсен далеко от националистических иллюзий. Он не принимает ни к какой ориентации, русской, турецкой или персидской. Нет, он понимает, что вся суть основных

противоречий — в борьбе эксплуатированных с эксплуататорами. Однако пользовавшийся огромным влиянием Арсен все же не мог реализовать все свои планы; даже его ближайшие соратники вопреки воле вождя срыгаются на отдельные случайные выступления. Сам Арсен является как бы предтечей грядущих революционных бурь.

Наряду с Арсеном Джавахишвили вывел целый ряд его соратников. Так, особенно запоминаются образы отца Арсена — одноглазого Хачавадзе, неукротимого бунтаря Лашавадзе, участника знаменитого восстания в Имеретии, отставного русского солдата Карпича, все время находящегося в кругу воспоминаний о пугачевщине, и др. Хорошо зарисованы и женщины — Мария, Пикрия, Маргана. В самой деревне «лесных братьев», под командованием Арсена мы видим не только грузин, но и русского и татарина. Их всех объединяет одна — ненависть к угнетателям.

Уделив видное место «низам», автор не забывает и «экзергов». Джавахишвили дает полную галерею представителей тогдашней грузинской и феодальной знати. Он рисует их в домашнем помещичьем быту, и на войне, и в условиях их тифлисской жизни. Чрезвычайно ярко зарисован салон Чачавадзе, где собирались сливки тогдашнего грузинского высшего света. Здесь автор не только излагает историю, но и вводит в нее элементы юмора и сатиры, которые не мешают серьезности и глубине произведения.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН ИЗ ОБЩИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

К. Паустовский — хороший очеркист, хороший литературный работник, хороший журналист — с этими качествами он не мог не обратиться к историческому роману. В книге своей «Кара-Бугаз» Паустовский сделал сюжетно новую попытку драматизировать описание.

Он дал объект как показ рядов и его освоенный. Книга читается лучше, чем биография человека.

Но сейчас в альманахе «Год шестнадцатого» напечатана повесть К. Паустовского «Судьба Шарля Лонсевилья».

Вещь начинается так: «Шарль Лонсевилья, инженер по дилити пушек, был взят в плен под Можайском во время отступления из Москвы наполеоновской армии. У Лонсевилья была отморозжена нога. Старый мундир пропал гарью пожара, глаза слезились от беска снега» (стр. 88).

Как будто все благополучно. Есть такие рисунки — отступавшая французская армия — мужчины в дашкиных шубах, костер на первом плане и сломанная пушка.

Но бой под Можайском был 13-14 (ст. ст.) октября, а первый снег выпал 22 октября, тогда же начался мороз. К тому же, как мы знаем, в этот день был взят в плен под Можайском не инженер, а французский солдат.

Таким образом, Лонсевилья отморозил ногу за 8 дней до мороза. Осень отступления Наполеона первоначально была чрезвычайно теплой.

Паустовский работает воспоминаниями о чужих мнениях. Вспомогательные персонажи — это не только описания, но и рассказы о том, почему развалилась наполеоновская армия, сложнее. И историк, и в том числе историк-романист, не имеет права работать, не проверяя фактов.

Точно так же описывает Паустовский приезд Петра в Голландию.

«Однажды Генин привел вместо котенка восточного русского котенка. Петру захотелось в тот же день увидеть котенка. Он грубо захохотал, коверкая голландские слова и до утра сотрясая комнату хохлом.

За утренняя кофе старушка хотела сказать русскому, что у него в носу полипы, но Генин строго посмотрел на нее и промолвил, что их скромный дом оскверняют пребыванием русского императора. Старушка пролила кофе, а император заржал, как першерон, и похлопал ее по плечу. Старушка сделала кинжес и скрылась на кухне» (стр. 120).

Дело в 1703 году. Голландцы называют Петра императором.

Петр принял титул императора в 1721 году, через 18 лет.

Здесь не просто ошибка, а непростительная перепалка. Стороны так, мог ли император, который еще не был императором, заржать, как першерон. Першерон — порода лошадей, известная с XVI века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

Дождь сметет. Пейзаж за мной окнами приобрел вид картины, но со повешенной на стене. Косые дожди, косые дым из низких заводских труб, косые деревья, наклонившиеся люди, пробирающиеся через дождь и ветер, наконец, косой полет ворон, зловеще каркающих над пустырями» (стр. 125).

Армия Наполеона в России — это мороз. Север России и Олонская губерния — это дождь и палки.

Среди этого дождя ходят и встречаются великие люди Упомянуты Державин, Воронихин, Пушкин. Росси (Росси как будто преждевременен).

А история края, сущность этой истории, движение этого края — ее нет. Все основано на неволе и на случайностях.

Заводы стоят сами по себе, крестьяне даны только плакательной старой России и тоже сами по себе.

Край дан не в движении. Лонсевилья явно не знает края. Олонская губерния того времени — губерния падающая.

Паустовский упоминает Филиппа Барая и говорит, что фабрика заготовляла из сибирской руды железные инструменты, серпы, наперстки и стальные краски. Далее он говорит, что фабрика пришла в упадок, потому что русское правительство отказало отпустить сибирскую руду.

Архива этой фабрики я не знаю. Но в том же Озерском, которым. Паустовский, несомненно, пользовался, есть описание завода Фулона.

«К сему заводу по указу берг-коллегии отведены земли двести пятьдесят квадратных саженей железных рудников, отсыпанных оными французскими, сорок два в короткое время действующим заводом в двух домах ежегодно вылавливалось до двести тысяч пудов чугуна, из которого выковывалось до четырех тысяч трехсот пудов железа».

Это написано про завод Вытигорского уезда, а кроме того был завод Петровского уезда.

У Фулона было два завода, из которых второй, во всяком случае, работал на собственной своей руде. Руды и лесу хватало бы заводу лет на пятнадцать, и погубило его не какое-нибудь случайное обстоятельство, а общий кризис отрасли.

Кругом все заводы лежали уже в развалинах, и обложки домовных печей заваливали речки.

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

товала меня, вынося сама на большом красном дереве подносе, для меня и бывших со мною, несколько чашек кофе, вкусно сваренного; олета была хотя в телогрею, но имела на ногах чулки шелковые и белые галстезовые башмаки.

Но, должно сказать, сие-то малое количество зажиточных крестьян и есть причина, что более бедных. Они, нажив достаточек подработор, или каким другим образом, раздают оный в безбожный процент, кабатая долгами почти в вечную себю, работу бедных зажиточных, а через то усиливаются и богатеют более, нежели где внутри России, и при недостатке хлеба и прочих к пропитанию нужных вещей, прибивают не к кому, как к богачу, в ближайшем селении живущему. Сильно употреблению нужно, кажется, пресечь.

Эта запись 1785 года. Оставили эти отношения сохранились в сказках края. Вот что пишет об этом Ю. Соколов в предисловии к книге «Сказки и песни Белозерского края» (1915 год).

«Этот стремление к купечеству» сказывается до сих пор очень сильно и в самом укладе жизни, во внешности дома и одежды. Сказки содержат в себе также бесчисленные доказательства почтительного отношения крестьян к купеческому сословию. Звание «купца» или просто «богатого» пользуется значительно большим уважением, чем прозвище «барин».

У Паустовского нет даже попытки разобраться в крае.

Вещь составлена из кусков, и крестьянство дано самым простым способом.

Оно дано плакательной бабкой Анфисой.

Изображение старой России в этой стране, в которой идет дождь и люди стоят на коленях, в конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

История олонских заводов должна быть построена на известной степени достоверности к историческим штампам.

Это не просто Олонский край, не просто место, где идет дождь и люди стоят на коленях. В конце XVIII века — это край чрезвычайно обостренной классовой борьбы.

Михаил Чулков пишет: «Мой отец был богат, как олонский мужик» (стр. 17).

Наместник края Тутулин говорит: «Вообще во всех уездах, не исключая, более зажиточных, нежели бедных поселенцев. Державин возражает: «Наоборот, можно сказать, что более бедных. Правда, что есть даже в самых Лопских погостах такие зажиточные крестьяне, что я мало таких видал в других государствах. Например, некоторые имеют несколько десятков десятин, содержат чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами их жены чисто одеты, например, в Повенском уезде в Шунском погосте, хозяйка трактира».

УПРЕК возвращаю

ОТВЕТ НА СТАТЬЮ ШКЛОВСКОГО

«Судьба Шарля Лонсевилья» — не документ и не хронологическая история Олонских заводов.

Задача этой книги — дать отношение к эпохе, взятой в ее основные и характерные черты. Иного отношения к эпохе, чем в «Судьбе Шарля Лонсевилья», я себе не представляю, хотя бы это и был «исторический штамп». Но этот «штамп» верен, историческая концепция, данная в книге на основе имеющихся у меня материалов, правильна.

У меня в книге не показана классовая борьба среди крестьян Олонского края в XVIII веке, о чем жалел Шкловский. У меня есть восстание крестьян, приписанное к Олонским заводам, длившееся с перерывами несколько лет и до сих пор почти никому не известное и как бы выпавшее из истории.

Меня удивляет, что Шкловский нашел в книге только одну представительницу крестьян — плакательницу Анфису и ни словом не упоминает об этом восстании, занимающем почти половину книги, и его главарей и участников — крестьян Соболева, Калашникова и Костыля.

Я прекрасно знаю, что в XVIII веке среди крестьян была классовая борьба, были кулаки и неимущие, но факты, приведенные Шкловским (слова Чулкова, Державина и Соколова), меня никак не убеждают, что в Олонском крае шла в то время «чрезвычайно обостренная классовая борьба».

Я позволяю себе думать, что в восстании бегляков, описанном в книге, элементы классовой борьбы выражены значительно ярче, чем в словах Соколова, цитируемых Шкловским, о том, что олонские крестьяне весьма почтительно относились к купеческому сословию.

Теперь о частностях. Мне бы не хотелось вступать в спор со Шкловским о том, когда вып

Жизнь настоящей революционерки

Книга прорецензирована. Но хочется о ней писать, хочется сказать, что это одна из тех, которые будут долго читаться и переиздаваться.

Левбедев — писатель молодой, но оригинальный и большой. Его две другие книги, вышедшие в этом же году — «Голоса рабочих» (1932, Пи-

„От этого человека пахнет порохом“

Книга прорецензирована. Но хочется о ней писать, хочется сказать, что это одна из тех, которые будут долго читаться и переиздаваться.

Левбедев — писатель молодой, но оригинальный и большой. Его две другие книги, вышедшие в этом же году — «Голоса рабочих» (1932, Пи-

КОНЕЦ ПОШЕХОНЬЯ

Книга написана для современников, и мы бы даже сказали: для ровесников. По своему жанру это воспоминания, точнее записная книжка. В ней не повествуется о событиях, о которых особенно напряжены, больших описаний и длинных диалогов. Полусюжетные рассказы, эпизоды соединяют в себе основные зачатки, которые напоминают пейзажи импрессионистов. Сочные эпизоды и оригинальные образы («Каждый вечер, когда я возвращался с работы, я видел, как в сумерках загорались звезды» (стр. 138)). «Я ходил в тугой вьетской шапке» (стр. 157), говорят о богатой фантазии и наблюдательности

Книга прорецензирована. Но хочется о ней писать, хочется сказать, что это одна из тех, которые будут долго читаться и переиздаваться.

Левбедев — писатель молодой, но оригинальный и большой. Его две другие книги, вышедшие в этом же году — «Голоса рабочих» (1932, Пи-

ЗАМЕТКИ ОБ АЛЬМАНАХАХ ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ*

«Сормово, когда я пришел в него, было малосильное. Оно сплослось из двух деревень, разделившись болотами. Само Сормово, как рассказывали старики, называлось Сормовым — в честь барина, разбойника Сормоки... Давно это было...»

«Ты нам о людях рассказывай...»

Это отрывок из рассказа Новожилова «Кандидат». Старый рабочий Василий Токарев рассказывает молодому о прошлой жизни...

«Теперь уж не то Сормово. Теперь рядом со старым Сормовским заводом встанут новые цеха, а в нескольких километрах раскинется огромный Горьковский автомобильный завод, один из лучших заводов Советской страны».

Вековой Сормовский завод со своими специфическими неполадками, со всеми неполадками старых русских заводов, и рядом ГАЗ, построенный по последнему слову техники...

Когда я открывал альманахи горьковских писателей «Тропы», мне казалось, что именно о людях, о старых и новых людях Горьковского края, о новых заводах, о МТС, об изменяющемся лице Горького я прочту во повестях, рассказах и стихах горьковских писателей. К сожалению, вышло не совсем так.

В Горьком выросли новые писатели. Это несомненно. Достаточно назвать Н. Кокина, автора романов «Девки» и «Париж», прадедушку Муратова поэта Шестерикова и ряд других. Горьковские писатели выпустили уже не один десяток своих книг. Это еще лишний показатель того, что советская литература растет не только в Москве и Ленинграде, но и во всем Советском союзе. Альманахи горьковского края — писателей «Тропы» должны собрать лучшее из того, что пишут горьковские писатели. К сожалению, большинство произведений, печатаемых в сборниках, дано в отрывках. Кокин — отрывок из романа «Девки», Шестериков — отрывки из поэмы, Шатнов — отрывки из книги, Коштылев — отрывки из романа, Шестериков — отрывки из поэмы и т. д., причем Шестериков даже предупреждает читателей и критиков: «Вся поэма пока не обработана. Помещаемые отрывки нельзя рассматривать как законченное произведение». Конечно, при таком предупреждении становится весьма трудным давать оценку сборникам.

Отрывочность сказывается на сборниках. Н. Кокин написал значительное произведение «Париж», только что законченное печатанием в журнале «Октябрь». Кокин показывает рост новых людей на стройке, переделку крестьянских парней,

разоблачение проникшего на стройку классового врага. Но отрывки, напечатанные в первом и втором альманахах «Тропы», дают очень слабое представление о кочинском романе. Едва-едва намечается один из главных героев романа Иван Переходников.

Наиболее законченными в обоих альманахах являются рассказы Шатнова. Шатнов хорошо тем, что он конкретен. В небольших новеллах он хорошо показывает отношение людей к вещам, показывает влияние «собственности», показывая, как эта частная собственность седеет людей. Шатнов неплохо знает деревню, рассказы его ясны и выразительны. Недостатком является подчас излишняя стилизация речи героев.

Интересен уже упоминавшийся нами рассказ Новожилова «Кандидат». Новожилов раскрывает перед нами путь рабочего парня, сначала в обстановке капиталистического завода, а потом советской действительности. Рост Василия Токарева, его работа, борьба, сомнения, весь путь, приведший в партию, не только показан автором. Хотелось бы только больше показать самого завода, взаимоотношений героя рассказа с другими рабочими. Рассказ Новожилова страдает часто также чрезмерной сухостью, газетностью. Автор иногда вместо того чтоб раскрывать события, просто перечисляет их.

Неплох очерк Патреева «Грузицы». Неплохо опять-таки потому, что конкретен. Автор показал своих грузин на работе, в действии, в столкновениях. Целый ряд других рассказов обоих сборников страдает прежде всего чрезмерной схематичностью. Так, например, по сюжету способный писатель Муратов в рассказе «Чужак» не сумел показать образ рабочего Василия Новожилова, потому что слишком резко, механически противопоставляет его жизни дома его жизни в цеху. Здесь нужно было найти переходы, показать человека в целом, показать взаимодействие цеховой и домашней обстановки, иначе получается разрыв. Рассказ Муратова во втором сборнике «Встреча царя» говорит о том, что у автора имеются творческие возможности, нужна только большая основательная работа.

Отрывок Костина «Никандр» страдает схематичностью, свойственной многим начинающим писателям. Костин показал нам обычный стертый штампованный образ кулака. Ни одной свежей черты, которая показывала бы свой, индивидуальный подход к раскрытию этого образа. И все положение, в котором ставит своего героя Костин, тоже не новы, затрепаны.

Любопытен по замыслу «Рассказ о факте» Г. Кошнякина, но автор не

справился с материалом. Он не сумел показать борьбу комсомольского коллектива за производство. Перелом старого рабочего Воронина показан внешне, художественно неубедительно. Очень засорен язык т. Кошнякина. Нужно избегать подобных выражений: его лицо «освежалось жаркой оранжевой кожей». Это цинтизм и плохое.

Большую тему взял для своего очерка «Человек будущего» В. Шестериков. Но от этой темы просто отпался. Конечно, мы не видим «человека будущего» в герое очерка Шалоте. Это не раскрытие человека, не показ его пути, хотя бы в таком плане, как это сделал Новожилов, а простое тезисное изложение событий, которые случились с Шалотой.

Еще более схематичен рассказ С. Алексеева «Шалая», где на двух страничках автор пытается показать столкновение между инженером завода и хорошим опытным рабочим. Не раскрыты образы ни рабочего, ни старика рабочего. Все это дано бегом, поверхностно, на ходу.

Схематичность страдает также повесть М. Шатнова «Дарья». Автор хочет дать колхозную комедию, показать главу из колхозной жизни, новых женщин, переделку стариков и т. д. Но все это страшно скучно, предельно холодно — не реалистично. В повесть много ласковых и мало настоящих действия, поверхность показана жизнь колхоза. Перелом старика — центральный момент повести — груб и неоправдан. Повесть мало что может внести в нашу колхозную драматургию.

Из поэтов горьковских альманахов наиболее выделяется Михаил Шестериков. Его тематика, главным образом, деревня.

Стихи альманахов внешне грамотны. Основы стихотворной техники горьковские поэты постигли. Но основная беда стихов — голая декларативность и неконкретность. Очень много литературщины. Так, например, т. Зарубин пишет стихи о песне, но самой песни, боевой, конкретной, в альманахах почти нет. Несколькими примерами. Тов. Позднеев в поэме «На полный холм» призывает, восклицает, декларирует, но очень мало показывает конкретную борьбу, конкретное строительство. Нельзя ограничиться подобными призывами: «Призыв Тулы: к Донбассу топой. В лавах его раземблаться!» (?)

Товарищ Бирюков призывает: «Быть на чеку. Всегда на чеку. Так плаваешь чужим, лисей чужим...» «Ударь, молот, дружелюб, молот». Стиль молодца, страна молодца. Но все это только звонкие слова. Мы не видим в стихах Бирюкова ни молодой страны, ни того, как плавают

чужим, ни тех людей, которые этот чужим плавают.

Тов. Жиженьков в своем стихотворении пишет:

«Инженер дает станков кипенье. Я пою в стихах своих полно Человеческое обмирение, Новых дней больше полотно».

Но, к сожалению, это остается декларацией. Потому что большого толчка новых дней в стихах т. Жиженькова мы не находим.

Тов. Рогов воспевает колхозную жизнь, но и его беда — созерцательность, неконкретность. Он пишет: «Любо было глядеть в переделах июльского марева на безмужнюю зелень и первый колхозный авто». И опять-таки дальше этой созерцательности — показ того, как делается эти колхозные авто и кем делается, почему зеленая стала безмужной, поэт не переходит.

Судя по отрывкам из поэмы «Человечек», интересен поэт Борис Пилипчик. Он более конкретен, чем другие, но подчас схематизирует и упрощает действительность.

Показать новый Горький, показать новых людей, строящих заводы, создающих новую деревню, горьковские писатели в должной степени еще не сумели, хотя тем у них край непочатый. Материала живого, боевого, актуального в своем крае — хоть отбавляй. Главные недостатки — голая декларативность, абстрактность и схематичность.

К каждому из горьковских писателей нужно подойти по-своему. Предстоит еще большая и серьезная работа. Необходимо более глубоко познание жизни. Рассказы Новожилова, Шатнова и др., стихи Шестерикова, наконец, роман Кокина показывают, что литература Горьковского края растет. Наша задача — товарищеская критика помочь горьковским писателям в их большой и трудной работе.

А. ИСБАХ

Выставка польского искусства

В. ЯРОЧКИН — «ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ В КАРПАТАХ»

О НАУЧНОЙ БАЗЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

Недавно мы дали полосу, посвященную искусству художественного перевода. Сегодня мы печатаем из нескольких поступивших в редакцию откликов материалов, статью т. Р. Шор, ставящую интересный вопрос о типичных ошибках переводчиков и о научных основах художественного перевода.

Вполне своевременно и уместно «Литературная газета» заострила внимание на вопросе о качестве переводческой работы.

«О переводе» (весьма неслучайно) писал лет восемь назад на страницах «Печати и революции», когда упадок культуры перевода, рост безграмотной халтуры и отбор недоброкачественного материала нацистами принимали угрожающие формы.

С тех пор положение резко изменилось. Повышение требований издательства к содержанию и к качеству печатаемых переводов; организационное сплочение переводчиков, поведение к отбору более квалифицированных кадров и подготовка переводческого молодого поколения — все это — общий огромный подъем литературного искусства в стране, строящей социализм, подняла переводческую работу на уровень значительно более высокий, чем довоенный перевод.

С некоторой гордостью отмечаем достижения нашего переводческого искусства за последние годы. Целый ряд переводческих книг читается как истинно художественные произведения. Но поспешим: таких переводов все еще не стало слишком много. Правильно: по наиболее квалифицированной группе мастеров перевода мы устанавливаем в большинстве случаев специальное филологическое и историческое образование, по большей части весьма солидное и углубленное. Это не случайно.

Переводчик, как и всякий писатель, может быть более или менее одаренным, обладать большими или меньшими познаниями, но последние для переводчика играют большую роль и носят более специфический характер. В этом основная особенность переводческой работы: переводчик обязан найти адекватное выражение всему, что дано оригиналом, он не в праве отбрасывать что-либо из него или перекладывать его по своему вкусу. А раз он должен на одном языке создать выражение, адекватное творчеству

Упрочение добрососедских, мирных отношений между СССР и Польшей вызвало естественное стремление к обмену культурным, художественно-творческим опытом между Страной советов и молодой польской республикой.

Недавно мы сообщали о специальном номере польской литературной газеты «Видомости литературы», посвященном советской литературе и искусству. Как указывают польские газеты, советский номер «Видомости литературы» пользовался выдающимися успехом.

Важным звеном в цепи польско-советского культурного общения является неделя современного польского искусства, которая проводится сейчас в красной столице.

Польские деятели искусства демонстрируют в Москве свои творческие достижения.

Польский посланник в СССР Г. Лукасевич так отзывался о культурном сближении стран-соседей:

— Мы надеемся, что это сближение не только культурно обогатит обе стороны, но и закрепит то сближение, к которому мы стремимся в области политических отношений.

Наши музыканты говорят о концерте польской музыки, организованном на днях Мосфилом в Консерватории, как об одном из самых интересных событий этого музыкального сезона.

Мы сравнительно мало знаем современную польскую музыку, музыку народа, давшего миру Шопена, нога, где вырзала за последние годы целая плеяда интересных дарований.

Тем больший интерес представляет приезд в Москву признанного

главы современной польской музыки, композитора с крупным европейским именем Кароля Шимановского.

В произведениях Шимановского слышатся отголоски творчества великого польского классика Шопена. Но «шопенизм» Шимановского преломлен сквозь призму современности.

На отчетном концерте москвичи познакомились с IV симфонией, с отрывком из балета «Харииза» и с боксированными произведениями польского композитора.

Народные напевы польского крестьянства послужили основой интересных произведений молодых польских авторов Т. Кассерия и Р. Паштера, исполненных в Консерватории.

Представители польской музыкальной культуры показали себя в Москве также мастерами исполнения.

Дирижер концерта Г. Фиттельберг знаком нам по прошлой работе в Москве и Ленинграде. Но настоящим триумфом явилось выступление певицы Евы Бандаровска-Турска.

Она обладает голосом редчайшей красоты и виртуозно владеет своим чудесным инструментом.

В восьми залах нижнего этажа Третьяковской галереи разместилась выставка современного польского искусства, организованная варшавским обществом пропаганды польского искусства за границей и нашим ВОКС.

Все выставленные вещи отмечены знаком большой культуры и профессионального мастерства.

Для нас, советских зрителей, привлекательны резким контрастом творческих исканий, выставка эта, может быть, и производит впечатление некоторой монотонности, но именно в этом тоне работ художников, в их уверенности и заключается своеобразие современной польской живописи.

Целью выставки отведен работам крупнейшего польского скульптора Касеяра Дуниковского. Его работы («Вальсские головы», «Фигура женщины», «Материнство») вызывают всеобщее внимание.

На выставке отдел скульптуры представлен особенно богато. Здесь и реалистические портреты-бюсты Т. Куна, работы большого мастера Э. Виттога, портреты в бронзе Константина Машка и др.

Блестящие по технике работы дали на выставке два старейших польских художника О. Бозанская и Л. Вичульковская. Импрессионистические портреты первой и акварели второго, по отзывам наших критиков, следует отнести к лучшим образцам старого польского искусства.

Молодое поколение польских художников представлено интересными работами В. Яроцкого, С. Барисовского, Е. Зейднбойтлера, Э. Артуа и др.

На выставке отражены все ведущие группировки польского искусства. Выставлены работы членов общества «Штука», «Варшавской школы», «Ритма», «Братства св. Луки» и «Вилениского общества художников».

Представители польской музыки и изобразительных искусств продемонстрировали в Москве свое высокое техническое мастерство.

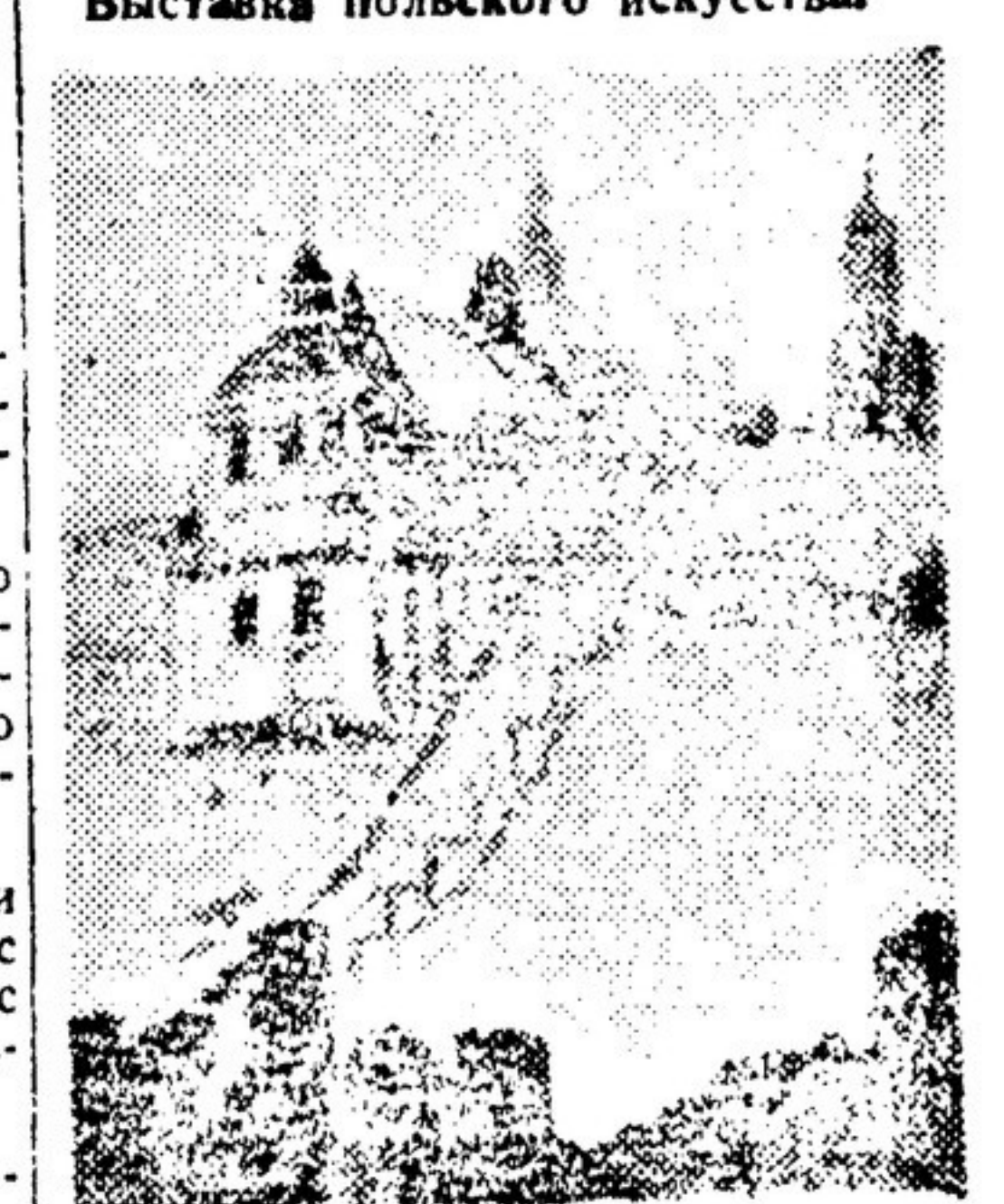
Это кажется почти невероятным: как можно не заметить необычного выражения (фигуры)? По мы слышим часто видки, как не только сложные семантические или синтаксические фигуры, но даже и простейшие повторения (фонетические фигуры) ускользают от внимания переводчика.

Что касается передачи звуковой стороны художественного текста, то тут дело обстоит ничуть не лучше. Нередко слышим, как один переводчик-кустарь попракает своего товарища тем, что тот не переводит «ритма» такого-то автора (Промаяка). Но спросите его, в чем заключаются этот самый ритм, каковы ритмические элементы прозы, — он нам в лучшем случае скажет, что «это чувствуется», ибо ни о теории пауз, ни об учении о клаузулах (окончаниях отрезков речи), ни о ритмике вообще он никогда и не слышал. Многие переводчики, одаренные поэтическим талантом, не могут использовать его с достаточной широтой, потому что незнакомство с общей теорией стиха не позволяет им выйти за пределы привычной системы русского стихосложения; они не различают особенностей чужого стиха и часто передают второстепенные (перемежные) признаки чужой системы стихосложения, опуская главные (постоянные) признаки.

Разумеется, переводчику мало знать только теорию стиха, только природу языковых форм (это было бы «формализмом» в самом дурном смысле этого слова): необходимо представлять себе временную и социальную обусловленность языковых форм, социальную значимость примененных художником изобразительных средств. Переводчик должен знать, кому подражает автор, под какой «стилизацией», кого пародирует, должен уметь понять намеки и полемические выпады своего оригинала, чтобы не затерять особенностей стиля плохим переводом.

Так в результате неузнавания цитаты обесценивается, например, ироничный образ у Маркса: «die Wort und Schaffrelchheit der Burgcois» переводится «слова и творчество буржуазии» (вместо ожидаемого «фриволь и книжные буржуазии»). Переводчик должен чувствовать, что представляет себе эпоху, в которой творит автор его подлинника, улавливать классовую направленность этого подлинника. Иными словами, переводчик без истории

Выставка польского искусства.

Л. ВИЧУЛКОВСКИЙ — «ЗАМОК».

ПОЛЬСКИЕ ЛЕТАЧИКИ У ПИСАТЕЛЕЙ

В Оргкомитете Союза советских писателей СССР днем 13 ноября состоялась встреча польских военных летчиков с советскими писателями. На встрече присутствовали польские летчики: майор Стахонь, капитаны Недзведский, Красинский, и Кемпинский, писатели А. С. Новожилов-Прибой, В. Ставский, Ф. Березовский, С. Обрадович, П. Замойский, А. Демидов, Мур-Санан, Мухомов, П. Юдин, В. Ерилов, Б. Кокаленко, Ф. Левин, Ю. Березовский, С. Бродяк, представитель ВВВС т. Березинский и др.

Руководитель издательства — Г. Шипин («Советская литература») и Г. Тарпан (МТП) — ознакомили польских летчиков с работой советских издательств.

Отвественный секретарь Оргкомитета П. Юдин, приветствуя польских летчиков, отметил, что Советский союз, укрепляя народное хозяйство и оборону, заботится об укреплении культуры народов, его населяющих.

Союз советских писателей, — говорит т. Юдин, — всемерно стремится установить связь советских писателей с писателями дружественных стран. Очень важное значение приобретает здесь дальнейшее укрепление связи с польской культурой. Выставка современного польского искусства, на днях открытая в Москве, говорит о больших достижениях польской культуры. Большое внимание работников культуры привлек специальный номер польской литературной газеты, посвященный советской художественной литературе. Мы подобрали для вас ряд книг, изданных нашими издательствами, чтобы ознакомить вас с последними произведениями советских писателей.

С ответной речью выступил капитан Недзведский, от имени польских летчиков поблагодаривших за оказанный прием.

Мы знакомимся с вашей жизнью с чисто кинематографической быстротой. У вас так много сделано во всех областях жизни, что всего невозможно охватить. Мы особенно восхищаемся достижениями вашего молодого поколения. Наши польские писатели проявляют большие симпатии к советской литературе и в Польше книги советских писателей имеют большое распространение.

Польским летчикам были вручены комплекты книг, изданных советскими издательствами художественной литературы (ГИХЛ, «Советская литература», МТП). Встреча закончилась непринужденной беседой польских летчиков с писателями, носившей дружественный характер.

Переводчики сильно опечалены убавлением критики перевода. Почему, жалуются они, критик выхватывает только отдельные словариные неувязности, почему не судит глубже о приемах перевода и заданиях переводчика?

Если учесть степень теоретической подготовки многих переводчиков, то не следует ли им скорее интересоваться переводами. Наилучший критик, разбирающийся в отношении оригинала и перевода, что отключается этот самый ритм, каковы ритмические элементы прозы, — он нам в лучшем случае скажет, что «это чувствуется», ибо ни о теории пауз, ни об учении о клаузулах (окончаниях отрезков речи), ни о ритмике вообще он никогда и не слышал. Многие переводчики, одаренные поэтическим талантом, не могут использовать его с достаточной широтой, потому что незнакомство с общей теорией стиха не позволяет им выйти за пределы привычной системы русского стихосложения; они не различают особенностей чужого стиха и часто передают второстепенные (перемежные) признаки чужой системы стихосложения, опуская главные (постоянные) признаки.

Давно пора положить предел пережиткам кустарничества в мастерстве переводчика. Ведь никто не может оперировать с языком, не обладая всей суммой знаний, необходимых для полноты и мастерства на ступень, достойную нашей страны, нашей социалистической культуры.

Оргкомитет должен создать возможность организовать планомерно и систематически работу по повышению квалификации среди переводчиков.

Член бюро переводной литературы Оргкомитета ССП.

Р. ШОР.

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГАЗЕТА 5

НА ПОДЪЕМЕ

СОВЕЩАНИЕ ПИСАТЕЛЕЙ ГОРЬКОВСКОГО КРАЯ

В октябре происходило краевое совещание писателей в городе Максима Горького. Бригада Оргкомитета В-СП в составе Феоктиста Березовского, А. Ефремина и Павла Низовой выехала в Горький, чтобы принять участие в совещании. Бригада увидела занятый электрическими огнями оживленный город, асфальтированные улицы, изразцовые трамвайчики и автобусы, рефраксы. Город социалистического машиностроения и металлообработки в промышленности не походил на бывшее гнездо нижегородского патриархального тождества.

Зампред местного Оргкомитета писателей т. Муратов говорил: «...Сопоставив литературу Горьковского края с жизненной действительностью. Действительность такова: за первую пятилетку наш край превратился из аграрно-индустриального в индустриально-аграрный. Построены такие мощные предприятия, как автозавод, Новое Сормово, станкозавод, Чернореченский химкомбинат, районная электрическая станция, Балхана, мост через Оку, заканчивается мост через Волгу. В деревнях нашего края организовано до 50 МТС... Если же взять произведения большинства горьковских писателей, то мы не увидим в них тех жизненных, богатых красок, какие существуют в действительности».

Верное замечание. Однако это ведь грех не только писателей Горьковского края. Все же успехи советской литературы находят свое отражение и в краевой литературе. Писатели и литература Горьковского края быстро растут. За пять предыдущих лет местное издательство выпустило восемь книг, а за последние полтора года вышло 25 названий.

Особенно успешно и плодотворно растет литература братских народностей Горьковского края: литература чувашская, удмуртская и марийская. В одной лишь Удмуртии за последний год вышло больше трех десятков названий, а всего по всем трем литературам до 250 названий. На совещании была организована выставка литературы этих народностей. Выставка привлекала внимание своим обилием, своим оригинальным оформлением, радостным видом.

Существенно не только то, что достигнуто писателями края на сегодняшний день, но и перспективы, что намечается к осуществлению в ближайшем будущем. Социалистическая культура создает на наших глазах новые мощные культурные центры. Горьковский край уже сейчас насчитывает до 400 начинающих писателей из рабочих, колхозников, студентов, рабкоров и пр. В Горьком работают такие писатели, как Н. Кокин, П. Шатнов и др. Эти писатели живут в Горьком, и тематика их преимущественно краевая, но они, особенно Кокин, уже перешли к краевой массштаб, а известность их вышла далеко за пределы края. Растут и печатаются молодые по-

эты Б. Пилипчик, М. Поголкин, Бирюков, Зарубин. Кремнет молодая поросль критиков — Александров, Юриков, Карпов, Измествев, Барсуков. Растет группа молодых критиков.

Литература чувашей, удмуртов и марий вышла на широкий социалистический путь.

На трибуне краевого совещания появлялись талантливые удмуртский критик Бурбулов. Он подробно рассказывает о состоянии литературы своего края, и нам, бригаде, приехавшей из Москвы, становится совестно. Мы внутренне краснеем за наше невежество. Мы ничего не знаем о тех успехах, какие развигиваются у нас под боком, на расстоянии суток езды от Москвы. Множество писателей и критиков недостаточно ознакомились об успехах, какие сделаны литературой народностей, населяющих СССР. Удмурты за короткий срок сумели выпустить свыше тридцати художественных книг. Наиболее продуктивным оказался период после 23 апреля 1932 года. Лучшими произведениями из последних считаются роман Медведова «Лозья бесмен» («Лозинская граница»), роман о социалистической переделке деревни, и «Вурсыо бама» («Человек со шрамом») Коновалова, повествование о классовой борьбе и вредительстве на заводе. Удмуртская писательская общность сумела наладить регулярный выпуск журналов пролетарской литературы. Напечатано несколько произведений удмуртских, чувашских и марийских авторов, призванных в литературу (Загребина, Бехтерева, Гармашова). Опубликован ряд пьес удмуртского драматурга Гармашова.

Внимание писателей теперь сосредоточено на создании детской литературы. В стране, где еще сорок лет назад был мистический мутанский процесс, ныне зреет социалистическая культура, но, к сожалению, об этом мало у нас пишут и мало знают.

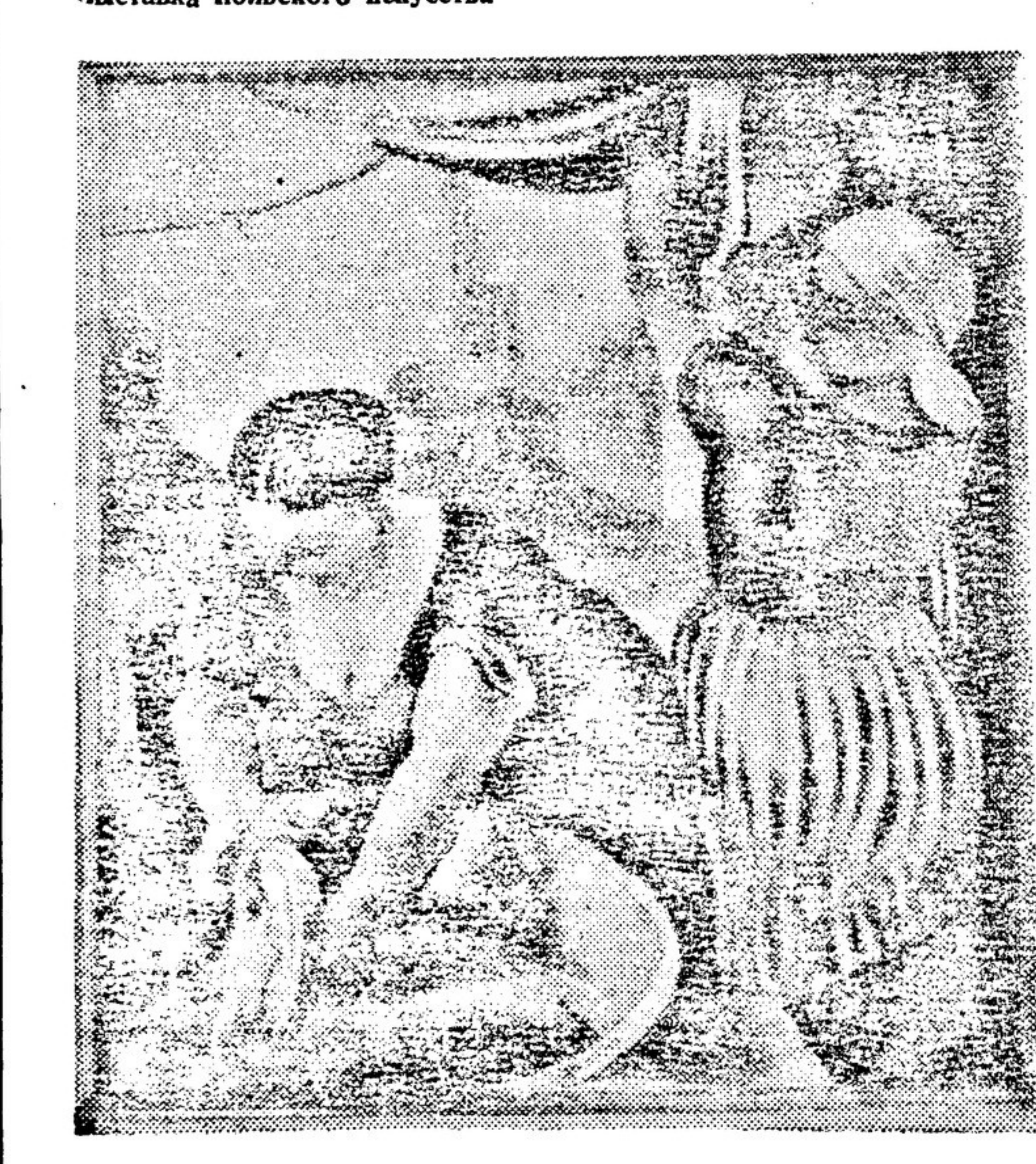
В Горьковском крае есть народ марья, раньше его звали черемисы. О черемисах рассказывали небывшие, а правда была страшнее всякой лжи: народ вымирал в темноте и дикой эксплуатации. Главный город Марийской автономной области — Йошкар-Ола; раньше город назывался Царевкокшайск, а это был тот самый Царевкокшайск, до которого триста лет скитались — не доскажете. В Йошкар-Оле организовано Марийское общество, оно печатает произведения своих поэтов и писателей (Шатан, Эмзет, Иванов, Илат, Тишин, Солдатов и др.). Марийские писатели располагают своим журналом, группировку около себя писателей из рабочих и колхозников.

Такова обстановка. Краевая литература и литературы братских народностей Горьковского края растут. Разумеется, все это лишь первые шаги. Но это шаги восходящие по лестнице социалистической культуры, шаги, ведущие к вершинам, которых не знал и не мог знать мир буржуазного классового общества.

А. ЕФРЕМИН, П. НИЗОВОЙ,

Ф. БЕРЕЗОВСКИЙ

Выставка польского искусства

П. ДЯДЦЕВ — «ПРАЧКА»

